

Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении 1985 – 1991 гг.: Западная Европа, США, СССР¹

Ольга Здравомыслова

Привычка видеть в опросах общественного мнения и реакции СМИ барометр социальных изменений, внимательно следить за его показаниями — укоренена в политической культуре европейцев и американцев. Поэтому сразу после того, как весной 1985 г. в СССР был провозглашен курс перестройки, восприятие событий в нашей стране стало темой регулярных опросов общественного мнения и постоянной темой СМИ в Западной Европе и США. Совсем иначе выглядела ситуация в Советском Союзе, где организация в конце 80-ых годов ВЦИОМа (Всесоюзного центра изучения общественного мнения), начало проведения представительных опросов населения, публикация их результатов, обсуждение в СМИ — были частью политики гласности и знаком перестройки массового сознания.

Спустя пятнадцать-двадцать лет тогдашние суждения и оценки обнаруживают то, что, возможно, не в первую очередь бросилось в глаза современникам. Один из центральных пунктов здесь — восприятие общественным мнением «фактора Горбачева» в событиях середины 80-ых — начала 90-ых годов.²

Здравомыслова Ольга Михайловна — руководитель общественно-политического Центра Горбачев-Фонда, кандидат философских наук; в начале перестройки — научный сотрудник Института социологии СССР.

Образ СССР и восприятие Горбачева в Западной Европе

Опросы общественного мнения, проводившиеся Информационным Агентством США (USIA), Институтом Гэллага (Gallup Organization) и Евробарометром (Eurobarometer), содержат впечатляющую информацию о том, как изменялось на протяжении тридцати пяти лет (1954–1989 гг.) восприятие европейцами Советского Союза в четырех ведущих западноевропейских странах (ФРГ, Франции, Италии и Великобритании)³. Это задает контекст, в котором сформировался феномен особенного отношения европейцев к перестройке и М.С. Горбачеву⁴.

Наиболее заметные изменения произошли в ФРГ, где в период 1954–1964 гг. отношение к Советскому Союзу было самым неблагоприятным (-60 по «оси восприятия»). Оно несколько сбалансировалось в следующем десятилетии, в 1981 г. опять резко ухудшилось (-69), а в марте 1989 г. («зенин» перестройки и начало перелома, канун падения Берлинской стены) позитивное отношение к СССР достигло высокой отметки (+34).

Отчетливая позитивная динамика наблюдалась и в Великобритании. Негативное восприятие СССР (пики «негативизма»: -40 в 1954 г., -70 в 1958 г., -55 в 1982 г.) после прихода Горбачева к власти сменяется на противоположное (+19 в 1985 г.), которое в 1989 г. достигает пика (+39).

В Италии, в течение всего периода исследований отношение к СССР оставалось, в целом, негативным (самые низкие отметки: -60 в 1958 г. и -55 в 1982 г.). Тем не менее, во второй половине 80-ых годов оно оказалось более благоприятным, чем в недавнем прошлом (-11 в 1987 г.).

Все это означает, что, начиная с 1985 г., отношение европейцев к СССР постепенно улучшалось после лихорадки и кризисов, которые оно переживало в период холодной войны. Доверие Советскому Союзу восстанавливалось более трудно, хотя имело сходную динамику в ведущих западноевропейских странах. С 1969 г. по сентябрь 1987 г. значения «оси доверия» были негативными, но с ноября 1987 г. общественное мнение отреагировало на внешнеполитические инициативы, предпринятые СССР, и доверие возобладало. Его «пик» пришелся на период с июня 1988 г. по лето 1989 г.⁵ Еще в 1982 г. 64% опрошенных в четырех ведущих западноевропейских странах считали, что поведение СССР на международной арене создает риск войны, а в марте 1989 г. общественное мнение сменилось на прямо противоположное: 69% опрошенных согласились с тем, что политика СССР способствует поддержанию мира⁶.

Судя по опросам, в 1987 г., когда перестройка в СССР набирала темп, среди западных европейцев преобладали позитивные оценки международной

политики СССР (36% ответов), тем не менее, 21% респондентов высказывались негативно, а 29% выбрали ответ «не знаю». Самыми одобрительными были оценки итальянцев (48% позитивных оценок против 18% негативных), греков (45% позитивных оценок против 12% негативных), немцев (45% позитивных против 18% негативных оценок) и англичан (43% позитивных и 28% негативных оценок). Самыми неодобрительными были суждения шведов (42% негативных оценок и 22% позитивных оценок) и особенно — французов, у которых негативные оценки преобладали над позитивными (24% против 18%) при лидирующей позиции ответивших «не знаю» (48%)⁷.

На этом фоне очевидным контрастом выглядят результаты опросов общественного мнения по поводу советской внутренней политики — прежде всего, в области прав человека. В 1987 г. только четвертая часть респондентов высказывала одобрение этой политики, 46% осуждали ее, 20% отвечали «не знаю». Наиболее критически были настроены шведы (почти 80% осуждали политику СССР в области прав человека), за ними следовали французы (58% негативных оценок), англичане (55% негативных оценок), ФРГ (53% негативных оценок). Греция и Италия оказались двумя странами, в которых позитивные оценки политики в области прав человека в СССР (50% в Греции, 38% в Италии) преобладали над негативными (18% в Греции, 25% в Италии).

В 1987 г. на вопрос о том, происходят ли в СССР реальные изменения, наиболее уверенно отвечали «да» западные немцы (60%); наименее уверенно — англичане (только 5% согласились с тем, что изменения происходят). Среди французов было 28% ответивших утвердительно, среди итальянцев — 25%⁸.

Это означает, что во второй половине 80-ых годов позиция западноевропейского общественного мнения в отношении политики СССР, была далеко не однозначной. Если усилия, направленные на снижение конфронтации между Западом и СССР и на окончание холодной войны, способствовали росту доверия, постепенно «переламывали» враждебное отношение европейцев к СССР; если оценки международной политики СССР, в целом, были осторожными, но становились более благоприятными, — то советская внутренняя политика вызывала в Западной Европе сильный скепсис и недоверие: здесь камнем преткновения оставались права человека.

Наиболее благоприятное отношение к СССР складывалось в ФРГ — критичность и недоверчивость отличали французов. Однако при всей существенности изменений и их позитивной динамике во второй половине 80-ых годов, Советский Союз по-прежнему воспринимался западноевропейским общественным мнением сквозь призму стереотипов, утвердившихся в период холодной войны — как чуждая и опасная страна.

На таком фоне особенно выделялось отношение западных европейцев к М.С.Горбачеву, который, как кажется, довольно быстро расположил к себе общественное мнение, восторженно оценившее нового руководителя СССР. Результаты опросов общественного мнения 1987–1990 гг. выступают яркой иллюстрацией феномена, названного «горбиманией». «Ось восприятия» Горбачева начинается с отметки +68 в ФРГ, Италии и Великобритании, с отметки +45 во Франции. Вплоть до апреля 1990 г. наблюдается рост беспрецедентной популярности советского лидера (в среднем, до +77). В 1989 г. пресса писала, что «французы играют роль скептиков», но тут же отмечала, что их различие с западными немцами в отношении Горбачева — это различие «любви» и «симпатии»⁹. Что касается немцев, то для них, как писала в те годы пресса, «советский лидер Михаил Горбачев стал магическим символом надежды и изменений»¹⁰.

Характерно, что личный вклад Горбачева в международную политику оценивался европейским общественным мнением существенно выше, чем политика СССР в этот период: в 1987 г. 57% европейцев позитивно оценивали личный вклад Горбачева при 9% негативных оценок и 21% ответов «не знаю»¹¹ (тогда, как только 36% опрошенных позитивно оценивали международную политику СССР).

Во Франции показатель благоприятного отношения к Горбачеву достигал высокой отметки в 66%, но в остальных трех западноевропейских странах он был еще выше (80%.) Возникает впечатление, что страны «соревновались», в какой из них отношение к советскому руководителю более теплое и дружественное.

Очевидно, что в годы перестройки, впервые с конца 50-ых годов, возникла тенденция позитивного восприятия Советского Союза западноевропейским общественным мнением — тенденция, разрушающая стереотипы холодной войны. «Фактор Горбачева» был в этом процессе решающим. Более того, личный престиж советского лидера оказался в европейском общественном мнении значительно выше, чем престиж советской политики того периода в целом.

Оценки европейцев и американцев: сходство и различия

На первый взгляд, результаты опросов общественного мнения второй половины 80-ых годов в Западной Европе и США демонстрируют сходные тенденции. Так, исследования Института Гэллапа¹², позволяют судить, как менялось отношение к М.С. Горбачеву в США на протяжении нескольких лет перестройки и сопоставить его с восприятием американцами пос-

Таблица 1.
Отношение американцев к российским лидерам 1987 — 2002 гг. (%)

Российские лидеры	Год опроса	Благоприятное	Неблагоприятное	Никогда не слышал об этом человеке, нет мнения
Михаил Горбачев	1990	68	21	11
Михаил Горбачев	1989	67	25	8
Михаил Горбачев	1988	56	30	14
Михаил Горбачев	1987	40	38	22
Борис Ельцин	1998	47	35	18
Борис Ельцин	1995	31	44	25
Борис Ельцин	1994	68	18	14
Владимир Путин	2002	41	18	41
Владимир Путин	2001	43	14	43

ледующих пост советских лидеров России. Результаты опросов показывают, что в период перестройки популярность Горбачева росла, а отношение к нему общественного мнения становилось все более доброжелательным (таблица 1). Ни в 90-ые годы, ни в начале XXI века никто из российских лидеров не приобретал в период своего правления столь устойчивого доверия в глазах американцев, как Михаил Горбачев¹³.

Результаты опроса, проведенного в США вскоре после того, как М.С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, показали, что благожелательное восприятие его американцами во многом определялось тем, что в нем видели советского лидера нового типа. Так, в апреле в 1985 г. на вопрос службы Харриса: «согласны ли Вы с тем, что Горбачев выглядит более современным, просвещенным и привлекательным, чем прежние советские лидеры?» — 60% опрошенных дали положительный ответ. Среди качеств нового советского лидера, отличающих его от прежних руководителей СССР американцы, прежде всего, выделили «энергичность и быстроту реакции» (81% ответов), «современность» (74%), «привлекательность» (62%)¹⁴. Это впечатление новизны и необычности сопровождало отношение американцев к советскому лидеру на протяжении всего периода перестройки.

Другой вопрос — о доверии/недоверии Горбачеву как одному из «русских лидеров». В 1985 г. на вопрос: «считаете ли Вы, что Горбачеву можно больше доверять, чем другим советским лидерам?» положительно ответили только 28% респондентов, а 63% с этим не согласились. В опросах службы Харриса динамика этого показателя измерялась на протяжении нескольких лет¹⁵. Сопоставление результатов показывает, что за четыре

Таблица 2.
Рейтинг доверия Горбачеву в США и Западной Европе, 1985–1989 гг. (%)

<i>Распределение ответов американцев на вопрос: «Согласны ли вы с тем, что Горбачеву можно доверять больше, чем другим русским лидерам?» (1985-1989 гг.)</i>			
	Согласен (а)	Не согласен (а)	Не уверен (а)
США, 1985, апрель	27	57	16
США, 1985, сентябрь	28	63	9
США, 1989, август	51	46	3
Западная Европа, рейтинг доверия Горбачеву в 1989 – 1990 гг.	77 (до 80% в некоторых странах)		

года уровень доверия к Горбачеву в США резко вырос (с 28% в 1985 г. до 51% в 1989 г.). В то же время доля тех, кто не доверял ему, видел в нем только одного из лидеров страны-противника, снижаясь, оставалась довольно значительной (46%) — по сути дела, американское общественное мнение было поляризованным. Общественное мнение в Западной Европе оказалось более единодушным в своем безусловном противопоставлении Горбачева прежним советским лидерам (таблица 2).

Общественное мнение в США так же, как и в Западной Европе, демонстрировало высокий уровень одобрения переговоров о сокращении вооружений между США и Советским Союзом. Однако опрос, проведенный в 1987 г., показал, что американцы считали это, главным образом, заслугой Р. Рейгана: 58% респондентов сказали, что для обеспечения мира он сделал больше, а 19% полагали, что в этом большая заслуга М.С.Горбачева.¹⁶

В том же 1987 г. 25% опрошенных во Франции, 45% в ФРГ 64% в Италии, 60% в Великобритании позитивно оценивали усилия СССР, направленные на достижение мира и разоружение. Ответы на вопрос: «США, СССР или две сверхдержавы вместе делают больше для достижения этих целей» — распределились следующим образом¹⁷:

- считали, что больше делают США: 17% во Франции, 12% в ФРГ, 8% в Италии, 12% в Великобритании;
- считали, что больше делает СССР: 17% во Франции, 28% в ФРГ, 32% в Италии, 40% в Великобритании;
- считали, что успеха добиваются обе сверхдержавы в равной степени: 55% во Франции, 58% в ФРГ, 55% в Италии, 34% в Великобритании.

Различие позиций американцев и европейцев очевидно: во-первых, во всех перечисленных европейских странах (за исключением Франции) превалировало мнение, что СССР делает для разоружения и мира больше,

чем США; во-вторых, во Франции, ФРГ, Италии и Великобритании преобладали точка зрения, что сверхдержавы в равной степени предпринимали усилия для того, чтобы снизить военное противостояние и обеспечить мир; в-третьих, на позицию американцев, явно, оказывала влияние глубоко укорененная идея противоборства и конкуренции США и СССР — это сказывалось на рейтинге Горбачева, обуславливая его менее высокие показатели в США по сравнению с Западной Европой.

Оценки политики перестройки, направленной на демократизацию советского общества, показывают, что и в США, и в странах Западной Европы существовал значительный разброс мнений по этому поводу (таблица 3). Вместе с тем европейцы поверили в перестройку раньше, чем американцы: уже в 1987 г. реальность демократических изменений в СССР признавали 32% европейцев (больше, чем в США в 1990 г.). Со временем американцы все более убеждались в реальности изменений, происходящих в Советском Союзе, хотя самая большая группа респондентов все-таки предпочитала не давать определенного ответа. Сходную тенденцию демонстрировало общественное мнение европейцев, среди которых выделялась западные немцы (в 1987 г. 60% респондентов в ФРГ были убеждены, что в СССР происходят реальные демократические перемены).

Так же, как и в Западной Европе, общественное мнение в США считало наиболее слабым пунктом советской внутренней политики права человека. В отличие от европейцев американцы чаще высказывались не о «политике СССР» в этой области, а о «политике Горбачева». Так, 20% американцев полагали, что Горбачев был одним из лидеров борьбы за права человека, но в то же время 60% считали лидерами афро-американские группы борьбы за гражданские права, а 47% — китайских студентов, протестовавших на площади Тяньаньмынь¹⁸.

Динамика изменения общественного мнения в США свидетельствует, что М. С. Горбачеву быстро удалось переломить традиционное недоверие к советским («русским») лидерам и значительно улучшить образ страны в глазах американцев. С 1987 по 1989 г. благожелательное отношение к СССР выросло в США с 25% до 62%¹⁹. Темпы изменений за два года, были примерно такими же, как в ФРГ, и выше, чем во Франции, Италии и Великобритании. В то же время американцы существенно чаще, чем западные европейцы, воспринимали политику СССР и личность Горбачева как единое целое. Об этом говорит близость показателей отношения к М.С. Горбачеву и к «политике Горбачева», свидетельствующая о большей идеологичности общественного мнения американцев, о присущей ему склонности отождествлять человека и политика. Различие в оценках личности Генерального секретаря ЦК КПСС, а потом Президента СССР, с одной сто-

Таблица 3

Распределение ответов американцев на вопрос: «Считаете ли Вы вероятным, что изменения, предпринятые Горбачевым – такие как перестройка – реализуются?» и результаты ответа на вопрос «Происходят ли в СССР в период правления Горбачева реальные демократические перемены?» в странах Западной Европы

	Считаю вполне вероятным (США)/ Происходят реальные демократические перемены (Западная Европа)	Считаю более или менее вероятным (США)	Считаю не очень вероятным (США)	Считаю совершенно невероятным (США)
США, 1988 июнь	18	60	16	6
США, 1989 декабрь	21	60	14	5
США, 1990 сентябрь	25	56	11	8
Западная Европа 1987 (среднее значение)	32			
ФРГ, 1987	60			
Великобритания, 1987	15			
Франция, 1987	28			
Италия, 1987	25			

роны, и советской политики периода перестройки, с другой, было в большей степени «европейской», и в меньшей степени «американской» чертой общественного мнения.

«С ним многое может измениться»

С самого начала перестройки общественное мнение Запада будоражил вопрос, сможет ли, в действительности, измениться общественная система, которая на протяжении десятилетий воспринималась как чуждая и глубоко враждебная. Существуют многочисленные свидетельства того, что личность М.С.Горбачева воспринималась общественным мнением Западной Европы как главная движущая сила изменений в Советском Союзе

и в международной политике, проводимой СССР. Та же тенденция прослеживается в западноевропейской прессе, отражавшей общественные настроения и формировавшей их.

Позиция тех, кто видел в Горбачеве человека, стремящегося «улучшить коммунистическую систему», произведя в ней некоторые существенные перемены, была пессимистической в отношении будущего самого Горбачева и его проекта. «Он не хочет менять систему, не хочет производить перемены в самой системе, а хочет переменить человека, заставить человека служить стране. Другой вопрос, какие здесь стимулы? ... Ему как новому вождю, несмотря на весь эффект, который он производит, через 70 лет после революции вряд ли удастся произвести в народе возрождение этих коммунистических идеалов. В коммунизм уже мало кто верит и тут М.С.Горбачев потерпит крушение»²⁰.

Вместе с тем в Европе — раньше, чем в США, — в Горбачеве почувствовали лидера нового типа, резко выделявшегося на фоне советской номенклатурной элиты. Журналисты начали говорить и писать об интеллигенции как «опорной конструкции» перестройки. По сути дела, речь шла о запоздалом, но, наконец, свершившимся приходе во власть «детей XX съезда» — поколения шестидесятников.

Приведем один из первых комментариев на эту тему: «Детство Горбачева, конечно, отличается от детства Л.И.Брежнева, К.У.Черненко и Ю.В. Андропова. М.С.Горбачев родился в 1931 г., он уже представитель совсем другого поколения... Он не утерял, может быть, ту связь с массами, которую, конечно, уже давно утеряли и Ю.В.Андропов, и Л.И.Брежнев — люди, которые властвовали до него. Конечно, он знает, что одними лозунгами он страной управлять не может. Он думает, что знает, как подойти к решению многих экономических проблем. Он знает, как говорить с народом»²¹.

Мысль о разрыве с прошлым, в первую очередь — с традицией конфронтации и военного противостояния общественных систем звучит в интерпретации западноевропейскими интеллектуалами концепции «нового мышления». «Смысл 'нового мышления' можно выразить тремя словами: разрыв, ставка, загадка. Начнем с разрыва. Всякое общество, по Фрейдю, основано на совершенном совместно преступлении, например, отцеубийстве. Всякая интеллектуальная революция также предполагает погребение под своим фундаментом одного или многих «прекрасных трупов»... «Мы сочли далее невозможным — говорит Горбачев — оставить... определение мирного сосуществования государств с различным общественным строем как 'специфической формы классовой борьбы'»²².

Сквозь призму противоборства сталинского и постсталинского поколений накануне «решающего боя» на XIX Всесоюзной партийной конфе-

ренции в июне 1988 г. воспринималось западным общественным мнением столкновение советских реформаторов и консерваторов. «На карте стоит курс перестройки. Спор за власть выливается в спор об исторической оценке диктатора Сталина. Если тень Сталина загонят в угол — Горбачев выиграл. Если мертвый диктатор снова поднимется из темноты прошлого — погибнут все надежды на возможные реформы»²³.

Принципиальная особенность публикаций в западноевропейской прессе состояла в том, что в них постоянно подчеркивалась роль убежденности, целеустремленности и личного мужества Горбачева на всех поворотных пунктах политики перестройки.

1987 г.: «Опираясь на поддержку интеллигенции и всех сознательных членов партии, которую он хочет демократизировать, Горбачев накапливает, правда, с трудом, небольшие победы»²⁴.

1988 г.: «Горбачев день за днем невозмутимо повторяет всем своим собеседникам, что начинается «революция», что она неотвратима и необходима, что трудности есть и будут, но она победит потому, что этого требует история... У него есть огромное преимущество перед противниками: он знает, куда идет, в то время, как они хотят лишь одного — не идти никуда, что отнюдь не может быть программой после 20 лет застоя»²⁵.

В намерение Горбачева отказаться от идеологически мотивированной внешней политики европейцы поверили не сразу, но испытали потрясение, выслушав его выступление в ООН в 1988 г.: «Кроме предложений по разоружению или, например, высказываний по вопросу прав человека, которые в первую очередь занимали заграницу, его выступление содержало экскурс в до сих пор лишь бегло разведанную интеллектуальными поисками область: более откровенно, чем все советские передовые мыслители, Горбачев поставил под вопрос доктрину классового характера внешней и мировой политики, а также подчеркнул относительность идеалов Октябрьской революции»²⁶.

1990 г.: «Михаил Горбачев похоронил монополию на власть Советской Коммунистической партии, получив на это согласие Пленума, созванного в Большом Кремлевском Дворце... Принудительная, угнетающая норма наконец-то отменена «де-факто» благодаря мужеству Горбачева... Это самая настоящая, неожиданная и беспрецедентная демократическая революция»²⁷.

С самого начала перестройки и по мере того, как росло сопротивление переменам, европейские СМИ открыто писали о противостоянии Горбачева «системе».

«С 11 марта 1985 г. новый генеральный секретарь Коммунистической партии сделал себе слишком много врагов, чтобы те не нанесли ему пре-

дательского удара — будь то люди КГБ, технократы андроповского стиля или динозавры старой брежневской гвардии»²⁸. «Дискуссия о сталинизме, которую на этот раз ведут серьезно и которую население Советского Союза воспринимает с серьезностью, может прорвать плотину. Одна московская массовая газета, выпускаемая миллионным тиражом, назвала «классовым предательством» и «отказом от социализма» горбачевскую перестройку, идейным ядром которой является освоение прошлого»²⁹.

Одним из важных свидетельств того, кто — «герой» или «система» — одерживает верх, было для европейцев отношение советских граждан к Р.М.Горбачевой.

1987 г.: Буря в Москве: первые атаки номенклатуры против Горбачева нацелены прежде всего на привлекательность его супруги. Ее улыбка и элегантность персонализируют новый стиль советского руководства. Остроумная и живая, Раиса Горбачева великолепно олицетворяет обновление, которое ее муж стремится воплотить в жизнь СССР... До нее ни одна первая дама в СССР не стремилась привлечь к себе внимание. Ее стиль на западный манер интригует общественное мнение. Вот почему избрали Раису мишенью для нападок, чтобы ослабить позиции ее мужа»³⁰.

В 1988–1989 гг. западноевропейские СМИ отслеживали перипетии драмы перестройки, описывая борьбу Горбачева с «организованными формами оппозиции», выступавшей то под лозунгом защиты исторических завоеваний, то с идеей «опасности рыночных моделей, основанных на частной собственности», то в виде открытого и скрытого личного сопротивления линии Горбачева³¹. (Характерно, что только позже и не очень охотно в европейском общественном мнении стали обращать внимание на другую линию сопротивления Горбачеву и его курсу — на советских либералов, выступавших «от имени Запада» и «претендовавших на звание высших выразителей новой философии»).

В последние годы перестройки внимание европейской прессы сосредоточилось на экономических трудностях в СССР, которые тоже подавались ею как часть успешного сопротивления «системы» и порождали в европейском общественном мнении неуверенность в положении Горбачева и инициированных им изменений³². Тем не менее, это не столь значительно повлияло на отношение европейского общественного мнения к Горбачеву. Если в апреле 1990 г. его рейтинг достиг самой высокой точки (85% в ФРГ, 80% в Италии, 77% в Великобритании, 68% во Франции), то к началу лета он, хотя и несколько снизился во всех этих странах, но оставался по-прежнему высоким (75% в ФРГ, 70% в Италии, 75% в Великобритании, 62% во Франции). Это еще одно подтверждение тенденции, обнаружившейся в опросах общественного мнения с самого начала перестройки: Горбачев

был воспринят европейцами, прежде всего, как личность, поразившая их воображение.

В августе 2001 г., накануне десятилетия путча, «The Guardian» писала: «Шесть с половиной лет Горби доминировал в новостях, сначала интригующе загадочный, потом, когда его гласность и перестройка состоялись, он был воспринят как успешный реформатор. «Горбимания» охватила средства массовой информации»³³. Отношение к Горбачеву как личности, масштаб которой не исчерпывается одним лишь политическим измерением, сохраняется в западном общественном мнении в течение двух десятилетий, прошедших с начала перестройки.

Советские люди — о перестройке и М.С.Горбачеве

Существует представление, что опросы общественного мнения в Европе и США, с одной стороны, и в СССР, с другой, показывали принципиально разное отношение к перестройке и особенно к Горбачеву. Это весьма поверхностное суждение. На самом деле, было бы ошибкой рассматривать западные и советские опросы о событиях перестройки как отражение параллельных реальностей. Это подчеркивают сами западные исследователи, которые выделяют три образа Горбачева, превалировавших в европейском и в американском общественном мнении середины 80-ых — начала 90-ых гг.³⁴.

1. Человек, осуществляющий эффективную стратегию изменений в СССР и на международной арене, «архитектор» окончания холодной войны и процесса демократизации международных отношений.
2. Президент, эффективно действующий на международной арене, но сталкивающийся с разногласиями в СССР, с трудностями переходного периода, порождающими многочисленные риски для самого Президента и стабильности страны.
3. Триумфальный мировой лидер, не способный справиться со своей страной.

Опросы ВЦИОМ 1989–1990 гг. на первый взгляд действительно показывали тенденцию, противоположную результатам опросов в Западной Европе и США. Она демонстрировала снижение доверия населения страны к КПСС, правительству и лидеру (таблица 4).

В 1990 г. 53% опрошенных указали на «ослабление реальной власти в стране от месяца к месяцу». Доля сторонников переворота, способного положить конец не только беспорядку, но и перестройке, с сентября к декабрю 1990 г. выросла в 1,7 раза и составила треть от числа опрошенных³⁶.

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос: «Одобряете ли Вы деятельность М.С.Горбачева?» – Ответ: «Полностью одобряю» (%)»³⁵

Месяц	Год	Доля одобряющих
Октябрь	1989	52
Январь	1990	44
Май	1990	39
Июль	1990	28
Август	1990	23
Октябрь	1990	21

Результаты опросов общественного мнения демонстрировали разочарование в результатах перестройки: 43% говорили о «потери уверенности в завтрашнем дне», 37% о «кризисе национальных отношений», 29% о «хаосе и неразберихе в управлении страной», 28% об «углублении экономического кризиса». О «нормализации международных отношений и мирной внешней политике» вспомнили лишь 19% опрошенных. На вопрос: «стала ли Ваша жизнь лучше, хуже или не изменилась после того, как к руководству пришел М.С. Горбачев?» — 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% — что не изменилась, 57% — что их жизнь стала хуже, а 14% затруднились с ответом³⁷.

Эти данные, характеризующие настроения последнего года перестройки, теперь многие склонны рассматривать как некую итоговую оценку общественным мнением всего периода перестройки. Результаты опросов и анализ ситуации, который проводился в течение 1985 — 1991 гг., позволяют сделать вывод, что такое суждение, по меньшей мере, неполно и одно-сторонне.

Прежде всего, нельзя забывать, что масштабные исследования общественного мнения их публикация и обсуждение в прессе начались лишь в 1988 г. Они сразу обнаружили, что «в конце 80-х общественное мнение выступает преимущественно как фактор массовой поддержки перестройки» (Ю.А. Левада)³⁸. То же подчеркивает Т.И.Заславская: на первом этапе перестройки (1985–1988 гг.) общественное мнение поддерживало Горбачева и инициированные им реформы, поскольку «получившая развитие гласность пробудила интерес народа к политике, социально активизировала людей, зародила у них надежду на демократизацию общества»³⁹.

В 1988 г., по результатам опроса ВЦИОМ, Горбачева назвали «мужчиной года» 55% опрошенных, с большим отрывом от него — на втором мес-

те – шел Р.Рейган (15%)⁴⁰. В декабре 1989 г. деятельность Горбачева, в целом, одобряли 87% опрошенных (55% – «вполне» и 32% – «отчасти») ⁴¹.

Опросы общественного мнения, проведенные в СССР, показывали: общество было готово к изменениям, но люди, с энтузиазмом поддержавшие курс перестройки и ее лидера, чувствовали, что в стране существует мощное сопротивление переменам. Природа этого сопротивления была им не до конца понятна, но его сила подавляла людей, снижала их уверенность в успешности перестройки и рождала пессимизм.

По данным Института социологических исследований АН СССР, в 1987 г. мнение о том, что перестройка идет достаточно успешно, выразили 16% респондентов; что она идет медленно и с большими трудностями – 31%, что она вообще не ощущается – 32%; остальные не ответили или затруднились с ответом⁴². Отвечая на вопрос о причинах трудностей, люди прямо указывали, что источник сопротивления процессу демократизации находится в системе управления страной, что скрытое, но упорное сопротивление курсу перестройки пронизывает эту систему сверху донизу. 80% опрошенных сказали, что лично сталкиваются с фактами формализма, 57% назвали нежелание должностных лиц принимать на себя ответственность в решении актуальных вопросов, 47% – равнодушие и пассивность должностных лиц, 34% – их некомпетентность, 42% – безнаказанность работников, допускающих формализм⁴³.

Тем не менее, согласно опросу ВЦИОМ, в декабре 1989 г. 21% опрошенных были «вполне» уверены в успехе перестройки, 44% были уверены «не вполне» (не уверены в успехе – 22% и 14% затруднились с ответом). В это же время более половины опрошенных (52%) выступали за гласность и плюрализм мнений в СМИ. 42% считали, что нужны «быстрые» изменения, а 35% — «медленные». Таким образом, в то время подавляющее большинство (77%) выступали за продолжение демократических изменений и поддерживали Горбачева. Вместе с тем высокий уровень доверия к нему (87%) выступал резким контрастом растущему недоверию к КПСС (в декабре 1989 г. полностью доверяли КПСС 27%, частично – 25%, не доверяли – 24%)⁴⁴.

Такой разрыв между рейтингами доверия «лидеру» и «системе» заставляет вспомнить аналогичную тенденцию в общественном мнении западных европейцев. Поэтому принципиальным для дальнейшего хода перестройки оказался вопрос о том, что в действительности представляет собой советское общество, какие группы интересов в нем существуют, какие из этих групп выигрывают, а какие проигрывают от демократизации, какое место в социальной структуре занимают «выигрывающие» и «проигрывающие», возможно ли преодолеть неизбежный конфликт их интересов.

Наиболее проницательные аналитики сразу указали на этот последний пункт. «Я не могу согласиться с высказываемой некоторыми авторами точкой зрения, — писала в 1988 г. Т.И.Заславская, — что перестройка в равной степени соответствует интересам всех общественных групп... Между тем баррикада (точнее, множество невидимых, но четко ощущаемых баррикад) явно рассекает общество на постепенно консолидирующиеся и осознающие противоположность своих интересов группы, с одной стороны — инициаторов, сторонников и союзников, а с другой — противников перестройки... Отрицать неизбежность не только противоречий, но и ожесточенной борьбы групповых интересов в связи с перестройкой, значит закрывать глаза на реальность, которая уже сейчас, на первых подступах к перестройке, свидетельствует о напряженной социальной борьбе»⁴⁵.

В 1988 г. академик Н.Н.Моисеев предупреждал: «Нашей стране предстоит переход в качественно новое состояние, если угодно, в новую эпоху. Именно на этот трудный и долгий переход, требующий огромных усилий, и надо настраивать общество... Все, что обдумано сейчас и уже предложено, делать надо! Здесь нет сомнений. Но ожидать быстрого эффекта «раскрепощения» нельзя»⁴⁶. Спустя десять лет эту мысль повторил Джульетто Кьеза: «С 1985 по 1991 г. многие постепенно осознали тяжесть бремени шестнадцати поколений, переживших крепостное право, самодержавие и империю»⁴⁷. Возможно, в этом осознании необходимости борьбы с собственным прошлым и неготовности к ней состоит одна их глубинных причин того, что в 1990-1991 гг. общественное мнение «приняло дискредитацию и падение Горбачева — события, казавшиеся невероятными по стандартам советской политической жизни»⁴⁸.

Отношение общества к курсу перестройки и к Горбачеву менялось по мере того, как перестройка превращалась в социальную революцию, затрагивающую жизненно важные интересы разных групп советских людей. В 1989 — 1990 гг., когда началась реальная борьба за перераспределение власти и собственности, в обществе резко усиливалась социальная напряженность, возрастали экономические трудности. Но лишь когда сопротивление курсу перестройки стало открытым и массированным («в начале 1990 года — кровавые события в Баку, в июне — Б. Ельцин во главе Верховного Совета России, с конца года — нарастание угрозы военного переворота...»⁴⁹), в общественном мнении произошел перелом. Оно начало сомневаться в правильности выбранного курса и отворачиваться от Горбачева. С января по май 1991 г. доля не доверяющих руководству КПСС возросла с 53% до 62%, а высказывающих полное доверие — составила 5% в январе и 3% в мае 1991 г.⁵⁰

Динамика этих изменений, вполне объяснима в контексте резко ухудшавшейся ситуации в стране, тяжесть которой в последний год перестройки ощутило на себе все население. Тем не менее, опросы конца 80-ых убедительно опровергают мнение, что «народ не поддержал перестройку» — они показывают, что люди ощущали невероятную сложность задачи и не недооценивали силу сопротивления реформаторскому курсу Горбачева.

Исследования, проводимые Фондом общественного мнение (ФОМ) с разрывом в несколько лет, подтверждают, что представления о перестройке и М.С.Горбачеве меняются вместе с новой российской историей. Судя по этим данным, «пиком» негативного отношения была середина 90-ых годов. Опросы 2001 г. и 2004 г. показывают медленный рост положительных оценок⁵¹. Исследователи делают вывод: значимость и масштабность перемен, связанных с именем первого Президента СССР, не вызывает у россиян сомнений, но третья часть опрошенных возлагает на Горбачева вину за переживаемые трудности⁵². В 2004 г. та же треть опрошенных говорит об антипатии к Горбачеву, но у большего числа сограждан (38%) М.С.Горбачев как личность вызывает симпатию (27% затруднились с ответом)⁵³.

Для высказываний участников опросов, проведенных полтора десятилетия после 1990 г., характерна глубокая противоречивость отношения к недавнему прошлому России. Это тревожит людей, они называют свое восприятие перестройки «очень сложным»: *«с одной стороны, в результате мы получили одно из главных завоеваний — свободу, в том числе и свободу слова, а с другой стороны, мы получили дифференциацию общества на кучку богатых и огромную массу бедных»*⁵⁴.

***

Общественное мнение европейцев и американцев о перестройке и «факторе Горбачева» в ней, сформировавшееся во второй половине 80-ых гг., представляет собой феномен, аналогов которому нет в истории взаимоотношений СССР и Западной Европы, СССР и США. Столь же ярким, но до конца не исследованным явлением остается советское общественное мнение о перестройке.

На западноевропейское и американское общественное мнение о перестройке и Горбачеве оказали влияние сразу несколько обстоятельств:

- недоверие, обусловленное традициями и стереотипами периода холодной войны;
- эффект неожиданности, удивление, восхищение личностью лидера СССР;

- надежда, связанная с окончанием холодной войны, падением Берлинской стены, «бархатными» революциями в Восточной Европе, концепцией нового мышления;
- неуверенность в долговременности процессов демократизации, начавшихся в Советском Союзе.

Европейское общественное мнение о перестройке и М.С.Горбачеве не во всем совпадало с более «идеологизированным» американским, но не было однородным и внутри Европы. Восприятие Горбачева европейцами — многогранное явление, которое не исчерпывается журналистским определением «горбимания». Оно имело свои особенности в отдельных странах, было неоднозначно связано со стереотипными представлениями о СССР и его руководителях, о советском человеке, сформированном «системой». Неуверенность в стабильности политического курса перестройки, безусловно, влияла на общественное мнение европейцев и американцев, но личность Горбачева–реформатора уже стала для них (это особенно отличало европейцев) самостоятельной ценностью.

Если в европейском и американском общественном мнении существует устойчивый образ «эпохи Горбачева» и личности Горбачева, сложившийся в годы перестройки, то российское восприятие меняется, реагируя на зигзаги постсоветской истории — то нащупывая почву фактов, то вновь теряя ее. Очевидно, что для населения СССР, как и для граждан постсоветской России, тип политика-реформатора, который олицетворяет М.С.Горбачев, оказался ничуть не меньшей «неожиданностью», чем для европейцев и американцев.

В нынешней России существует точка зрения, что перестройка дала шанс, не использованный и не оцененный советским обществом — она была «романтическим, грандиозным планом поворота рула истории России в сторону сотрудничества с Европой и остальным миром». (А.Грачев). Европейское и американское общественное мнение 1985–1991 гг. не столько оценило этот план, сколько почувствовало в М.С. Горбачеве человека и лидера, облик, поведение и деятельность которого соответствовали представлениям о политике-реформаторе и отвечали ожиданиям того, как должны были бы развиваться события в России, становящейся демократической.

Судя по опросам общественного мнения второй половины 80-ых годов, наши соотечественники, в целом, были солидарны с этим (при этом их суждения ближе к европейским, чем к американским). Так, основываясь на детальном анализе советских опросов периода перестройки, Арчи Браун утверждает, что, «вопреки нередким утверждениям западных коммен-

таторов и политических противников Горбачева в России, он даже спустя пять лет после избрания Генеральным секретарем, все еще был наиболее уважаемой и популярной фигурой в Советском Союзе»⁵⁵.

Нельзя не отдавать себе отчет в том, что советское, а потом уже российское общественное мнение о перестройке формируется в принципиально иной, чем на Западе, атмосфере — расставания с тоталитарным прошлым и «традицией самовластья», которое оказалось трудным, болезненным и долгим. Самое же важное состоит в том, что в течение всех этих двадцати лет, прошедших с 1985 г., отношение общества к перестройке и ее лидеру остается для соотечественников вопросом, неразрывно связанным с судьбой демократии в России.

---

¹ Статья написана на основе доклада, представленного на конференции «Горбачев и Европа» (28-29 марта 2003 г., Рим), организованной Фондом Грамши (Италия), Горбачев-Фондом (Москва) и МГИМО.

² Мы используем здесь название фундаментального исследования английского историка и политолога Арчи Брауна о событиях перестройки — «Фактор Горбачева» // Brown A. *The Gorbachev Factor*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

³ Динамика общественного мнения европейцев в отношении СССР в 1954–1989 гг. и отношение европейцев к Горбачеву в период перестройки графически можно представить в виде «оси восприятия» и «оси доверия». Отрицательные (-) и положительные (+) значения этих «осей» соответствуют процентным долям ответов, содержащих негативное или позитивное отношение и свидетельствующих о доверии или недоверии // См.: Eymert den Oudsten. *The perception of the Soviet Union and President Gorbachev in Western Europe: 1985–1990* // In: «The Future of Security in Europe: A Comparative Analysis of European Public Opinion». Brussels, December 16–17, 1991.

⁴ Результаты исследования содержатся в докладе: Eymert den Oudsten, *op. cit.* Организатором конференции в Брюсселе, где был представлен этот доклад, был профессор Филипп Монигар (Philippe Monigart), которому автор статьи выражает благодарность за предоставленную информацию.

⁵ Eymert den Oudsten, *op. cit.*, pp. 98-102.

⁶ *Ibid.*, p.102.

⁷ *Ibid.*, p.108.

⁸ *Ibid.*, p.107.

⁹ http://www.time/archive/preview/from_redirect/0,10987,1101890717-1522

¹⁰ Reuters, 05.10.1989.

¹¹ Eymert den Oudsten, *op. cit.*, p. 109.

¹² «Americans Overwhelmingly Endorse U.S.-Russia Nuclear Agreement. Half call it a major accomplishment» // <http://www.gallup.com/poll/releases/pr020529.asp>

¹³ Исследователи считают, что Б. Ельцин «унаследовал» доверие американцев к М. Горбачеву, но в дальнейшем его рейтинг приобрел отрицательную динамику. Уровень доверия американцев к Путину через два года после того, как он стал Президентом России, был таким же, как у Горбачева в 1987 г. // Б.З.Докторов, Е.С.Петренко о результатах опроса Фонда Общественного мнения, 20.06.02.

¹⁴ http://cgi.irss.unc.edu/tempdocs/TEMP_QUERY_PAGE..08:39:14.html

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Eymert den Oudsten, *op. cit.*, p. 112.

¹⁸ http://cgi.irss.unc.edu/tempdocs/TEMP_QUERY_PAGE..08:39:14.html

¹⁹ Saad L. Russia Faces Image Problem in U.S. as Yeltsin Resigns // <http://www.gallup.com/poll/releases/pr000106.asp>.

²⁰Комментарий радиостанции «Немецкая волна», 24.07.1986 // Архив Горбачев-Фонда.

²¹ Там же.

²² Бинде Ж. Новое мышление // Опыт словаря нового мышления. Москва: «Прогресс», 1989.

²³ «Westfallen — Blatt», 12.04.1988.

²⁴ «Paris Match», 17.04.1987.

²⁵ «Le Monde», 07.04.1988.

²⁶ «Koelner Stadt — Anzeiger», 12.12.1988.

²⁷ «Top magazine», N 30, 1990.

²⁸ «Paris Match», 17.04.1987.

²⁹ «Frankfurter Allgemeine», 12.04.88..

³⁰ Симптоматично замечание о стиле Р.М. Горбачевой, близком, по мнению прессы, европейцам и неожиданным для соотечественников: «Первыми открыли Раису Горбачеву на Западе... Западные газеты увидели в ней тип первой дамы, родившейся на Востоке. Что касается советских людей, то они об этом даже не подозревали» // «Paris Match», 17.04.1987.

³¹ «Открытая борьба между реформаторами и консерваторами в Советском Союзе отныне разгорается с новой силой: статья, опубликованная во вторник, 5 апреля в «Правде», подхлестнула дебаты между сторонниками и противниками десталинизации... Речь в прямом смысле идет об официально объявленной войне между советскими консерваторами и реформаторами... Политика г-на Горбачева наталкивается на организованные формы оппозиции» // «Le Monde», 7.04.1988; «В Политбюро, имеется активная группа тормозящих» // «Frankfurter Allgemeine», 08.08.88.

³² «Ряд газетных публикаций об экономическом положении в Советском Союзе характерны для британской прессы в последнее время. Нельзя не обратить внимания на то, что броские заголовки о «надвигающемся голоде» в СССР, сама подача этого материала в СМИ создают определенный, несомненно, тревожный настрой среди местной общественности» // Записка Л.Замятина, посла СССР в Великобритании, 14.11.1990. Некоторые заголовки английских газет, присланных Л.Замятиним: «Голод и русская зима», «Нормирование бьет по советским гражданам», «Голодный Ленинград» (Архив Горбачев-Фонда).

³³ «The Guardian», 18.08.2001

³⁴ Juviler P. Presidential Power and Presidential Character // The Gorbachev Reader. Ed. by Joseph L. Wiczynski, 1993, p. 71.

³⁵ «Московские новости», 1990, N 45.

³⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества // «Дело», М.2002, с. 110 -111.

³⁷ Там же, с.113.

³⁸ Левада Ю. Оглядываясь на пройденное и непродуманное: 1987-2002 // <http://www.polit.ru/country/2002/12/30/479430.html>

³⁹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества // «Дело», М., с.106.

⁴⁰ Вопрос о «женщине года» в 1988 г. был менее популярен. Тем не менее, хотя на первом месте была М.Тэтчер (8%), третьей была названа Р.М.Горбачева (2% опрошенных).

⁴¹ С существенным отрывом от М.С.Горбачева на втором месте шел А.Д.Сахаров, деятельность которого одобряли 59% опрошенных (45% — вполне и 14% отчасти). Почти столько же (58%) — но в ином соотношении (29% вполне и 29% отчасти) одобряли деятельность Б.Ельцина // <http://www.levada.ru/press/2000101100.html>

⁴² Иванов В.Н. Наше социальное самочувствие // Аргументы и факты, 1988, N 1.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Опросы ВЦИОМ // <http://www.levada.ru/press/2000101100.html>

⁴⁵ Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // «Иного не дано». Под ред. Ю.Н. Афанасьева // М.: «Прогресс», 1988, с. 41-42 .

⁴⁶ Моисеев Н.Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // «Иного не дано», с. 52, 61.

⁴⁷ Кьеза Д. «Прощай, Россия!» М.: Издательство «Гейя», 1998, с. 66— 67.

⁴⁸ Левада Ю., указ. соч.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Опросы ВЦИОМ // <http://www.levada.ru/press/2000101100.html>

⁵¹ Опрос населения 26.02.2004 // ФОМ. http://bd.fom.ru/report/map/special/90_13412/978_13557/d040815

⁵² Климов И.А., ФОМ, 28.2001

⁵³ Опрос населения 26.02.2004 // ФОМ. http://bd.fom.ru/report/map/special/90_13412/978_13557/d040815

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Brown A. Op.sit, p.5.